

Кондоминальный статус украинских земель в XIV в.: от первых территориальных приобретений Польши и Литвы во владениях Золотой Орды до ярлыка Мамая¹

Ф.М.Шабульдо

В данной статье предпринята попытка изложить те наблюдения и выводы по поводу кондоминиума и некоторых вопросов, которые были заданы сравнительно недавно в связи с изучением жалованных ярлыков крымских ханов на украинские земли XV–XVI вв. Рассматриваемая проблема известна в историографии давно, но никогда ещё специально не исследовалась. До сих пор остаются невыясненными некоторые характерные черты кондоминиума, не установлены с достаточной точностью его хронологические рамки, а также место и роль в системе взаимоотношений сообществ кочевых скотоводов и оседлого земледельческого населения на межгосударственном уровне, в частности, в Восточной Европе в позднее средневековье.

Ключевые слова: кондоминальный статус, украинские земли, Польша, Литва, Золотая Орда, ярлык, Мамай

Для цитирования: Шабульдо Ф.М. Кондоминальный статус украинских земель в XIV в.: от первых территориальных приобретений Польши и Литвы во владениях Золотой Орды до ярлыка Мамая // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 267–282.

Рассматриваемая проблема известна в историографии давно, но никогда ещё специально не исследовалась. До сих пор остаются невыясненными некоторые характерные черты кондоминиума, не установлены с достаточной точностью его хронологические рамки, а также место и роль в системе взаимоотношений сообществ кочевых скотоводов и оседлого земледельческого населения на межгосударственном уровне, в частности, в Восточной Европе в позднее средневековье. Видимо, по этой причине в научных трудах существование кондоминиума в украинских землях в XIV в. за редким исключением либо полностью игнорируется (при этом присущие ему признаки нередко относят на счёт безраздельного господства Золотой Орды)², либо он лишь упоминается или же рассматривается исключительно в фактографическом аспекте [см., например: 54, с. 32–36; 85, р. 134; 92, s. 121–123, 126], а в одном случае³ трактуется даже ошибочно.

Между тем научная значимость проблемы несомненна, ибо она является в целом еще непрочитанной страницей истории контактов оседлого земледельческого и кочевого скотоводческого населения Восточной Европы, в прошлом на протяжении многих веков соседствовавших на территории Украины [10, с. 28–44; 35; 36]. Для украинской медиевистики проблема кондоминиума интересна не только сама по себе, но еще и тем, что её решение несомненно позволит существенно продвинуться в исследовании важных и всё ещё недостаточно изученных вопросов, с которым она органически связана. Таких, например, как окончательное изъятие украинских земель из сферы властвования Золотой Орды, их роль в ликвидации ордынского господства в Восточной Европе, геополитическая переориентация Украины-Руси в середине XIV в. и влияние этой акции на формирование нового соотношения политических сил в восточноевропейском регионе, история складывания территории Украины и формирования украинского этноса.

В данной статье предпринята попытка изложить те наблюдения и выводы по поводу кондоминиума и некоторых вопросов из числа названных выше, которые были сделаны сравнительно недавно в связи с изучением жалованных ярлыков крымских ханов на украинские земли XV–XVI вв.

Отдельные наиболее характерные черты кондоминиума назвал еще на рубеже XIX–XX веков Михаил Грушевский в виде нескольких замечаний, сделанных им в разных местах своего фундаментального труда. Исследователь, правда, не сгруппировал и не обозначил эти черты специальным термином, но, вероят-

¹ Статья подготовлена как часть исследования о ярлыках крымских ханов на украинские земли XV–XVI вв. при финансовой поддержке Американского совета научных обществ (American Council of Learned Societies), предоставившего в 2002 г. кратковременный грант в сфере гуманитарных наук для изучения этого вида источников. Предлагаемая статья является переводом с украинского языка с некоторыми дополнениями [60, с. 7–22]. Благодарим украинского исследователя Б. Черкаса за помощь в подготовке статьи к изданию.

² Например, в исследованиях, затрагивающих тему столкновения политических интересов Золотой Орды (в XV–XVI вв. Крымского ханства), Польши и Литвы на территории Украины: [33; 93; 6; 100; 3; 38; 17; 63; 74; 7; 51, с. 142–173, особенно с. 145–147; 98, s. 119–121; 67; 68; 15; 99; 80, s. 14, 18; 52].

³ Не заметив компромиссной природы и временного характера кондоминиума, Е.В. Русина представляет его как главное средство расширения владений Литвы за счёт Золотой Орды [см.: 41, с. 59–62; 40, с. 80–81, 84–88].

но, присущее им своеобразие дало ему основание попытаться определить хронологические рамки их существования и тем самым, как представляется сейчас, обозначить особый, переходный этап как в истории взаимоотношений наиболее крупных государств Центрально-Восточной Европы в XIV в., так и в процессе вытеснения верховной власти хана Золотой Орды над землями Украины-Руси верховной властью правителей Польши и Литвы. Сказанным, думается, определяется значимость сделанного М. Грушевским в этом направлении.

Если резюмировать соответствующие замечания, то мы получим следующие выводы. Согласно М. Грушевскому, наиболее отличительный признак, определяющий сущность явления, названного позже кондоминиумом, – это компромисс между Золотой Ордой, в зависимости от которой находились земли Украины-Руси, и Литвой или Польшей, претендовавших на владение этими землями, в первую очередь галицко-волинскими. В результате достигнутого компромисса оспариваемая территория попадала в двойную политическую и экономическую зависимость: как от недавно утвердившейся в её пределах литовской или польской администрации, так и от власти золотоордынского хана, чьё верховное право на владение этой территорией признавалось противной стороной, следовательно, сохранялось и реализовывалось в виде продолжавшихся выплат регулярной ордынской дани («выхода»). Подобный компромисс относительно украинских земель мог быть достигнут между Ольгердом и Мамаем приблизительно в 1370-х годах⁴. Но рассмотрение политических отношений вокруг наиболее крупных из этих земель убедило исследователя в том, что в статусе, определяемом двусторонними компромиссными соглашениями, бывшее Галицко-Волинское княжество пребывало ещё с 1340-х годов, причем как литовская, так и польская его части, а затем Киевское княжество и Подолье, которое, по его словам, «как и другие украинско-русские земли Великого княжества Литовского номинально признавало татарское верховенство над собою вплоть до конца XIV в. или даже позднее» [9, с. 92, 82–87].

Окончательный вывод М. Грушевского относительно времени и других конкретно-исторических обстоятельств возникновения кондоминиума более точен и убедителен, поскольку основан на хорошо известных и апробированных фактах. «Вел[ике] князівство Литовське дістало свої відносини до татар, можна сказати, в спадщині з українськими землями разом. Вище я казав, – підкреснув учений, – що Любарт, переймаючи спадщину Юрія-Болеслава, мусив заразом упорядкувати свої відносини до Татарської орди, що признавала за собою певні права зверхності на галицко-волинські землі. Мусив оплачуватися певними контрибуціями, як оплачувалися й інші литовські князі з тих українських земель, які Татари уважали собі підвласними, і як оплачувалося також і польське правительство – Казимир, наприклад, коли хотів бути у згоді з Татарами» [9, с. 312]⁵. Конец зависимости украинских земель от Орды и, следовательно, упразднение их кондоминиального статуса М. Грушевский также связывал с выдачей в конце 1390-х годов золотоордынским ханом Тохтамышем великому князю литовскому Витовту жалованого ярлыка на большой комплекс земель и городов Руси, а также с распадом Ордынского государства⁶. Следовательно, можно сделать вывод, что хронологические рамки существования кондоминиума в украинских землях определялись им таким образом: нижняя – приблизительно 1340 г., а верхняя – концом 90-х годов XIV в. или даже серединой 20-х годов XV в. Отдавая должное вкладу М. Грушевского в формирование научного представления о кондоминиуме, следует отметить, что хронологические рамки его существования он определял слишком широко и неточно, поднятая же им проблема была лишь обозначена. Эти обстоятельства в какой-то мере содействовали тому, что исследователи длительное время обходили её своим вниманием, по этой же причине она до недавних пор оставалась в целом несформулированной и непроанализированной с достаточной степенью завершённости.

Тем не менее в конце XIX – начале XX в. и особенно в межвоенный период польские историки-медиевисты высказали ряд ценных замечаний, кое в чём проясняющих природу кондоминиума и обстоятельства его возникновения в украинских землях, хотя вопросы польско-ордынских или же литовско-

⁴ В частности, М. Грушевский заметил, что Ольгерд «уже на початку 1370-х рр. міг у справі українських земель уложити з ними [т.е. с татарами. – Ф.Ш.] компроміс: полишено ознаки татарської зверхности, але зіставлено сі землі в фактичним володінню литовських князів. На існування такого компромісу ми маємо натяки з 1370–90-х рр. і часи Мамає (убитого в 1380 р.) з огляду на союз його з Литвою зістаються єдино правдоподібними для уложення цього компромісу» [9, с. 83].

⁵ М. Грушевский указывал на данническую зависимость владений Польского королевства в землях Украины-Руси во времена Казимира Великого, основываясь на фактах, засвидетельствованных документально. См.: [9, с. 43–44].

⁶ По словам М. Грушевского, «нарешті повний упадок Орди в першій половині XV в. і сформування нової держави – Кримського ханства на її руїнах, розв’язала для українських земель справу з правно-державного становища. Здається, що вже нещасливий хан Тохтамыш, а в кождім разі звисний фундатор Кримської держави Хаджі-герай, вдячні за поміч і опіку “велику ласку і честь” Витовта у тяжкі часи – “коли їх коні потні були, зріклися на користь в князя литовського історичних прав татарської Орди на руські землі, що були колись їй підвласні, й видали на те Витовтови грамоти”» [9, с. 85, 87].

ордынских отношений середины XIV в. не стояли в центре их внимания [94, s. 1–146; 71; 88, s. 425–454; 79, s. 135–179; 89, s. 57–97; 84, s. 264–299; 78, s. 250–274]. В большинстве своём они признавали сюзеренитет Золотой Орды над Киевским княжеством, а также польской и литовской частями Подолья в XIV в.⁷, свидетельством чего была выплата населением этих земель ежегодной ордынской дани – факт, который трактовался ими как неперемное условие сохранения мира и союза с Ордой. О некоторых из этой группы исследователей следует сказать особо.

В 1927 г. Феликс Конечный, анализируя содержание известного ярлыка-послания золотоордынского хана Токтамыша к королю польскому Владиславу-Ягайлу от 20 мая 1393 г., сделал вывод о том, что, по мнению ордынской правящей элиты, «“выход” тяготел над краем, а не над князем», и поэтому даже в случае перехода края из-под власти Рюриковичей под власть Гедиминовичей дань по-прежнему должна была взиматься в пользу Белой Орды. Само послание Токтамыша являлось напоминанием Владиславу-Ягайлу о необходимости уплаты дани; в случае удовлетворения его требования хан предлагал военную помощь, причём, как заметил исследователь, не как одностороннюю услугу, а определено на основе взаимности. На ханские притязания последовал отказ, с чем вскоре должен был примириться и Токтамыш, и его сын Джелал ед-Дин (Zeledyn), и затем в 1419 г. – также могущественный эмир Эдигей [75, s. 195, 196]⁸. Ф. Конечный рассматривал послание Токтамыша лишь как документ, характеризующий литовско-польско-ордынские отношения в начале 1390-х годов, а не как источник, бросающий свет на их более раннюю стадию, т.е. на отношения кондоминиума, которые как таковые, к сожалению, остались для него неизвестными.

В 1938 г. Хенрик Пашкевич, полемизируя с Ю. Пузыною по поводу политической роли князей Кориатовичей в первые годы их правления в Подольской земле, высказал своё мнение о статусе их владений относительно Орды. Вопреки утверждению анонимного автора летописной повести «О Подолье» о прекращении Кориатовичами выплаты ордынской дани⁹, польский историк не исключал «возможности овладения Кориатовичами Каменцем, Смотричем и др. городами за цену признания ханского верховенства и выплаты традиционной дани». Статус Кориатовичей в Подолье Х. Пашкевич был склонен приравнять к позднему статусу Владимира Ольгердовича Киевского и некоторых других местных властителей, отождествляя их с известными примерами двойной зависимости «мелких князей», в частности, со статусом Юрия Наримунтовича в Кременце, определённым польско-литовским договором 1352 г. Он также отмечал, что «были они (т.е. примеры двойной зависимости. – *Ф.Ш.*) обычно проявлением компромисса двух противоборствующих сил», имели локальный и временный характер; он подчёркивал противоречивость политических интересов Литвы и Орды в различных частях Руси [83, s. 275–276, 274, przymiot 4]¹⁰ и вместе с тем высказал предположение, что союзнические отношения между Литвой и Ордой существовали уже во времена Узбека и Гедимины [82, s. 335]. Относительно Киевского княжества Х. Пашкевич утверждал его зависимость от Литвы, начиная по крайней мере с 1330-х годов, и одновременно от Орды вплоть до конца XIV в., чему свидетельством было, как он считал вслед за М. Грушевским и М. Гумовским, изображение татарской тамги на монетах киевского князя Владимира Ольгердовича [83, s. 194].

Х. Пашкевич, Ю. Пузына, С.М. Кучинский и С. Краковский, а за ними и другие историки придерживались того мнения, что Кориатовичи вокняжились в Подольской земле с согласия или при нейтралитете ордынских властей. Юзеф Пузына даже высказал невероятное предположение, что татары сами призвали Кориатовичей в восточное Подолье, якобы для того, чтобы они, построив замки, защитили его от польско-венгерских притязаний [89, s. 14].

Едва начатое изучение кондоминиума так и не было завершено, поскольку с 30-х годов XX в. данная тема надолго исчезла с поля зрения исследователей. Редкие случаи упоминания этого термина в отдельных монографиях современных исследователей не могут, конечно, быть приняты за научную разработку проблемы. Все эти обстоятельства обязывают снова обратиться к кондоминиуму как к объекту исследования.

⁷ Особую позицию относительно статуса Подолья в XIV в. занял А. Прохаска, утверждавший, что Польша и подвластное ей Малое (западное) Подолье не платили «выход» Орде; если же это делали Кориатовичи с Малого Подолья, то по своей воле. В то же время литовское Подолье выплачивало ордынскую дань, чему есть документальные свидетельства, и определено поступало так во времена Ольгерда [87, s. 262, 263]. См. реплику Ф. Конечного по поводу обоснованности последнего мнения: [75, s. 195, not. 4].

⁸ Ф. Конечный ошибочно полагал, что Белая Орда – это кочующая орда, потомственное владение Токтамыша, которая к началу 1390-х годов перекочевала из степей Прикаспия на Дон. В настоящее время общепризнано, что Белая Орда (Ак-Орда восточных источников) являлась западной частью Улуса Джучи, владением Бату-хана и его потомков до 1359 г., т.е. собственно Золотой Ордой [см.: 42, с. 14–15; 46, с. 55–60, 141–144; 61, с. 120–132; 15, с. 158–163].

⁹ О летописной повести см. далее прим. № 13.

¹⁰ С. Краковский данное мнение о двойной зависимости Кориатовичей понимал, видимо, исключительно как ленную зависимость этих князей от ханской власти и на этом основании приписал Х. Пашкевичу предположение, «że mogli oni mieć Podole, jako lenno tatarskie», и, следовательно, «byli lennikami tatarskimi», после чего критически заметил, что гипотеза автора «jest zgola odosobniona i bez żadnego uzasadnienia w źródłach» [78, s. 264, 272–273].

Приступая к этой работе, прежде всего необходимо констатировать (вслед за М. Грушевским), что кондоминальный статус был характерен лишь для некоторых подвластных польским или литовским правителям украинских земель – Вольни, Галицкой Руси, Киевщины, и, вероятно, Подолья Кориатовичей – на протяжении кратковременных периодов первой половины XIV в. Поскольку в «треугольнике политического соперничества: Золотая Орда – Литва – Польша» все стороны искали себе союзника, то одна из них – будь то Литва или Польша – временами и попеременно оказывались в числе либо «приятелей», либо «неприятелей» Золотой Орды. Поэтому существование кондоминиума в конкретных украинских землях было не постоянным, а скорее дискретным; он также никогда не охватывал их в целом, тем более одновременно. Его, например, не должно было быть и не было в черниговских и северских землях, которыми до начала второй половины XIV в. владели находившиеся в вассальной зависимости от ханской власти, но по большей части политически ориентированные на Литву местные князья из рода Рюрика.

По-видимому, кондоминальный статус предполагал, по меньшей мере на первых порах, присутствие в стольных градах тех земель, на которые он распространялся, представителей ханской власти (баскаков), осуществлявших контроль за своевременным и в полном объеме поступлением дани в Орду, а также за ненарушимостью ордынских политических интересов на местах. И в самом деле, летописные источники под 1331 годом сообщают о нападении отряда киевского князя Фёдора, вероятнее всего, брата Гедимины, и ханского баскака вблизи Чернигова на эскорт новгородского епископа Василия Калики, только что поставленного митрополитом Феогностом во Владимире Волынском и бежавшего от преследовавшей его погони великого князя литовского [34, с. 344; 29, стб. 68; 32, с. 170]¹¹. Примерно этим же временем датируются сведения летописной повести «О Подолье» о баскаках, в ведении которых находился сбор регулярной дани с населения Подольской земли, по крайней мере, еще до прихода туда литовских князей Кориатовичей¹². Однако определить, на каком именно основании пребывали баскаки в Киевском и Подольском княжествах в 30–40-х годах XIV в. – как функционеры ещё не демонтированной повсеместно на Руси системы баскачества или же в связи с кондоминальным статусом этих княжеств, – сейчас представляется весьма затруднительным по причине имеющегося в историографии разногласия относительно даты окончательной ликвидации баскачества в княжествах и землях Северо-Восточной Руси¹³, а также недостаточности сведений о функционировании этой системы в землях Украины-Руси в первой половине XIV в.

Как уже отмечалось, главным показателем и условием существования кондоминиума была выплата регулярной дани ханам Золотой Орды с земель Украины-Руси, ранее подвластных ей, а затем инкорпорированных в состав Польского королевства и Великого княжества Литовского. Формально-правовым основанием для сохранения подобной практики служило то обстоятельство, что и по достижении двустороннего политического компромисса правитель Ордынской державы продолжал сохранять за собою номинальную верховную власть (сюзеренитет) над польскими и литовскими владениями на Украине-Руси. Это обстоятельство признавалось польским и литовским суверенами, за которыми ханская власть в свою очередь признавала право административно управлять новоприобретенными территориями и, разумеется, также получать определенные доходы с них. При этом польские администраторы и литовские удельные династы в украинских землях, в числе последних и признавшие сюзеренитет польского короля Гедиминовичи, не

¹¹ Детальный анализ летописного рассказа см.: [63, s. 182–200]; о политических обстоятельствах поставления Василия Калики: [91, p. 160–163 (на литовском языке: 92, s. 108, 185–189); 16, с. 207–217].

¹² Наименее искажённый текст повести «О Подолье» сохранился в летописях Великого княжества Литовского: Супрасльской, Слуцкой (Уваровской), Археологического общества, Румянцевской, Евреиновской и Хронике Быховца. См.: [18, с. 81–82, 99, 278, 496; а также: 28, с. 66–67, 74–75, 102, 207, 228–229]. Информация повести о том, что Кориатовичи прекратили выплату дани с Подолья не соответствует военно-политической ситуации в этом регионе в самом начале 50-х годов XIV в., когда доминировали Золотая Орда и Литва, заключившие между собою антипольский по своей направленности союз [с м.: 80, s. 17–18]. Её не воспринимали всерьёз А. Яблоновский [71, s. 83], А. Прохаска [86, s. 1–2, 4], С.М. Кучинский [79, s. 157, not. 136]. Тем не менее она может быть правдивой относительно 1346 г., когда Кориатовичи могли расширять и утверждать свою власть в Подольской земле. Именно тогда население Золотой Орды, особенно в Крыму и степях Северного Причерноморья и Прикаспия, поразила эпидемия чумы, вследствие чего её государственная система управления в этих ареалах могла быть временно парализованной или неэффективной. О повести «О Подолье» как историческом источнике см.: [44, с. 162, 165; 58, с. 57–61; 80, s. 13–14; 86, s. 1–2].

¹³ С 1950-х годов в советской историографии считалось общепризнанным мнение А.А. Зимина о том, что баскаки были отозваны из Руси ханской властью в связи с усилением освободительной борьбы на Руси в начале XIV в., а их функции по сбору дани были переданы местным князьям [19, с. 61–65]. Это мнение оспорил Ч. Гальперин, который утверждал, что баскаки были заменены ханскими послами и даругами постепенно, и причина этого предопределялась в первую очередь потребностями дальнейшего развития управленческих структур Золотой Орды. Исследователь не ограничивает рамок процесса замены временными рамками, но отмечает, что, «возможно, монгольские администраторы были удалены из разных частей Руси в различное время» XIV в., а наиболее долго они удерживались в пограничных со степью регионах, в частности, в Рязанской земле, где баскаки известны по источникам еще в третьей четверти того же столетия [67, p. 37–40].

меняли своего сюзерена и не превращались в ханских вассалов (ленников), а продолжали оставаться в рамках прежних феодальных структур военно-политической иерархии. Вполне достаточным доказательством тому является известный ярлык-послание Токтамыша к Владиславу I Ягайлу от 20 мая 1393 г., в котором золотоордынский хан, в сущности, предложил польскому королю и верховному князю литовскому вернуться к кондоминальным отношениям, то есть на двусторонней основе решить вопросы о мире, союзных отношениях и возобновлении уплаты дани. При этом Токтамыш определённо обращался к Владиславу I Ягайлу как к главе унитарного польско-литовского государства и правящей в Литве династии¹⁴, а не к его отдельным вассалам, как должно было бы быть в противном случае.

Кондоминальный статус владений Пястов и Гедиминовичей в Украине-Руси являлся необходимой предпосылкой для установления мирных и союзнических отношений между золотоордынским ханом и правителями Польши или Литвы. Поскольку обе договорившиеся стороны обязывались соблюдать условия компромиссного соглашения какое-то более или менее продолжительное время, последние, как можно предположить, должны были каким-то образом фиксироваться и оформляться. Однако документы такого рода неизвестны в наше время, а письменные источники ничего не сообщают в пользу их существования: ни о практике их выдачи, ни об их конкретном содержании, ни о форме, в которую оно облекалось. Полагаем, однако, что, если такие документы на самом деле существовали, то составить некоторое понятие о их содержании могут помочь сохранившиеся тексты более поздних ярлыков-докончаний, которыми в первой половине XVI в. оформлялись достигнутые договорённости о мире и военно-политическом союзе между крымскими ханами, претендовавшими на наследие Золотой Орды, в частности, территориальное, и польскими королями и великими князьями литовскими, отстаивавшими целостность и безопасность своих владений на Украине¹⁵. Если ярлыки-докончания рассматривать ретроспективно, максимально учитывая конкретно-исторические обстоятельства и факторы, определявшие соотношение сил и характер взаимоотношений договаривающихся сторон как в XIV, так и в XVI в., то, полагаем, можно с определённой степенью вероятности обозначить основные пункты изначальных гипотетических компромиссных соглашений, впервые учреждавших кондоминальный статус в некоторых украинских землях. Как общие и логически необходимые пункты в такого рода документах, несомненно, должны были быть представлены данные о пространственных или административных пределах территорий, отошедших от Золотой Орды к Великому княжеству Литовскому или Польскому королевству, названа легальная причина изменения их политико-административного статуса, а также главные условия, на которых эти территории признавались за новым владельцем, – в первую очередь, указаны полнота его владельческих прав, а также размер и сроки доставки дани в Орду¹⁶. Ещё один общий и важный раздел – это декларация взаимных обязательств обеих сторон, прежде всего предоставления в случае необходимости военной помощи друг другу, а также, вероятно, безопасности передвижения и свободы торговли купцам при условии уплаты ими традиционной торговой пошлины (мыта), и др.

О военном обязательстве договорных союзников («приятелей») Орды времён кондоминиума есть возможность сказать несколько больше и конкретнее. В ярлыках-докончаниях первой половины XVI в., поскольку крымские ханы признавали и подтверждали этими документами сюзеренитет правителей Литвы над инкорпорированными ею золотоордынскими территориями, реализация данного обязательства предусматривается как совместная, но отнюдь не взаимная акция: лишь крымская сторона обязуется предоставить военную помощь против литовского неприятеля¹⁷. Тем не менее в 1393 г. хан Золотой Орды

¹⁴ Примечательно в этой связи, что ханские посланцы вручили ярлык Ягайлу в Кракове, хотя в этом документе адресатами являлись две неназванные поименно особы (возможно, Ягайло и Витовт), и там же получили на него ответ («отправу»). Лишь затем польский король направил посланцев в Луцк к Витовту, который по условиям Островского соглашения 1392 г. в то время имел статус пожизненного наместника Ягайла в Великом княжестве Литовском [см.: 90, s. 162; 75, s. 198].

¹⁵ См. тексты опубликованных ярлыков-докончаний крымских ханов: 1) Менгли Гирея от 3.02.1514 [95, s. 420–422, №145]; 2) Мухаммед Гирея, вероятно, 1516 г., которое от своего имени выдал Саадет Гирей до 08.09.1532 [81, dok. 150, s. 191–193]; 3) Сахиб Гирея, подготовленное для него в литовской великокняжеской канцелярии 10.04.1535 [81, dok. 180, s. 235–238]; 4) Давлет Гирея 1552 г. [21, с. 65–70, №40].

¹⁶ В начале XVI в. место дани в ярлыках, следует полагать, заняли «упоминки» – некоторая сумма (от 15 до 4 тыс. злотых), регулярно выплачиваемая Крыму Великим княжеством Литовским и Польским королевством как деньгами, так и товарами. Целью выплаты упоминок было предотвращение опустошительных набегов крымских чамбулов на южные окраины этих государств, т.е., главным образом, на подвластные им земли Украины, и привлечение военных сил ханства к участию в войнах с Московским государством [см.: 12, с. 10]. Следуя за источником, автор в этой статье под упоминками понимал прежде всего расходы скарба на вещественные подарки членам династии Гиреев и крымским сановникам, содержание ханских послов и гонцов. Эти подарки и денежные «дачи» составляли существенную, но всё же только часть суммы упоминок, оговоренную в позднейших ярлыках-докончаниях.

¹⁷ Например, в ярлыке-докончании Менгли Гирея от 28.07.1514 к королю польскому и в. кн. литовскому Жигимонту Старому: «...приятелю его быти намъ приятелемъ, а неприятелю неприятелемъ и везде на всякого его неприятеля быти намъ с ним заодинъ...Теж на неприятеля его, великого князя московского, мы, Мендли Гирей-царь, со в[си]ми

Токтамыш предложил свою военную помощь польскому королю Владиславу II Ягайлу действительно на взаимной основе¹⁸. С другой стороны, имеются сведения летописей о неоднократных более ранних случаях навязывания ордынской военной помощи зависимым от ханской власти князьям Руси¹⁹.

Указанные документальные и летописные данные свидетельствуют, что предоставление ордынских войск ханским вассалам и правителям соседних стран широко практиковалось властями Золотой Орды. Можно сказать, что эта практика была характерной и традиционной для её общества, большую часть которого составляли кочевники-скотоводы, природными условиями самой среды обитания и образом своей жизни подготовленные к профессии конных воинов²⁰. На её общем фоне контрастно выделяются военные обязательства договорных «приятелей» Золотой Орды во времена существования кондоминиума, строившиеся, видимо, на совершенно иной основе, но вряд ли в связи с нехваткой военных сил в Золотой Орде, даже если таковая, возможно, и ощущалась какое-то время после эпидемии чумы 1346 г. Например, в перемирной грамоте Гедиминовичей с королем польским Казимиром III 1352 г., составленной в кратковременный период литовско-ордынского кондоминиума в 1350–1353 гг., содержится прямое указание на то, что в случае похода ордынских войск на Польшу литовские князья, имеющие владения на Руси (в данном случае на Волыни и, может быть, в какой-то части Подольской земли), должны были присоединиться к ним в обязательном порядке, вопреки даже своему желанию²¹. Более того, вполне возможно, что предоставленные Ордой военные услуги её союзники должны были каждый раз специально оплачивать. Документальное подтверждение подобной практики как будто имеется в письме Казимира Великого к магистру Тевтонского ордена 1355 г. В этом письме польский король, приглашая рыцарей-крестоносцев принять участие в планируемом им военном походе на Литву, сообщал о прибытии к нему на помощь против литвинов 7 татарских князей со множеством людей и о том, что он как раз отправил к ним навстречу специальных послов с соответствующими дарами²².

Таким образом, ханская власть, стремясь сохранить свои господствующие позиции в Восточной Европе, вынуждена была пойти на уступки политическим соперникам, согласившись на переход под непосредственное управление властей Литвы и Польши части ранее подвластных ей территорий Украины-

дѣтьми и людьми своими, всимъ воискомъ своимъ, королю великому кнзю Жикгимонту маемъ помочни ныне и завжды и напотомъ. Также же и на иныхъ неприятелехъ его, коли приишетъ к намъ жадаючи ѿ люди маемъ ему помоч давати сумою людемъ колко ему будетъ надобѣ» (РГАДА. Ф. 389, оп. 1, ед. хр. 7, л. 567); подобно и в ярлыке-докончании хана Давлет Гирея 1552 г.: «А маемъ приятелю его приятелемъ быть, а неприятелю его неприятелемъ, и где бы кольвекъ неприятель его былъ, тутъ маемъ напротивъ тому неприятелеви за одинъ быть, и напротивъку его за одно стоять» [21, с. 66].

¹⁸ В этом ярлыке союз и военная помощь предлагается в таких словах: «Какъ отъцъ нашъ какъ оци ваши были заодно послы сылалы межи собою а мы такоже хочемъ с вами быти. Аже будетъ ва(м) надобѣ помочъ на кого на ворога вашего азъ самъ есмь готовъ за того тобѣ на помочъ всею моею силою а толко вѣсть намъ дайте. А коли па(к) потомъ коли намъ бы надобѣ вы намъ таковиже будете» [см.: 5, с. 113; 39, с. 49].

¹⁹ Например, зафиксированное летописью под 1277 г. распоряжение могущественного эмира Ногая волыньским князьям: «Всегда мь жалуоете на Литвою, осе же вы дал есмь рать и воеводу с ними Мамъшгя, поидете же с ним на вороги своя» [20, стб. 876].

²⁰ По этой причине Золотая Орда вряд ли испытывала недостаток в воинах. Известные примеры привлечения к участию в организованных ею военных походах войск княжеств Руси имели под собой скорее политическую подоплёку, чем обуславливались военной необходимостью. По мнению Э.С. Кульпина, периодически сотрясавшие Орду в результате перенаселённости степей Евразии социально-экологические кризисы вызывали в жизни природы и общества процессы, призванные смягчить их губительные последствия и расширить экологическую нишу для кочевого скотоводства. Среди таких процессов как один из наиболее показательных автор называет известную по документальным источникам еще с конца XIV в. миграцию части населения Золотой Орды в соседние страны, нуждавшиеся в услугах степных воинов-профессионалов [см.: 26, с. 90–95, 99–100; 27, с. 125–129]. Думается, что ещё ранее, начиная примерно с 60-х годов XIII в., роль искусственных регуляторов численности населения Золотой Орды играли инициируемые ею почти непрерывные войны с Ираном и на Балканах, военные экспедиции на Русь, Литву и Польшу, а также оплачиваемое военной добычей или специальным вознаграждением участие её воинских контингентов в военных действиях соседних государств. С другой стороны, известны неоднократные попытки расширить территориальные владения Орды в западном направлении, предпринятые уже во времена правления Бату-хана и Берке и особенно усилившиеся в начале 20-х годов XIV в.

²¹ [5, №14, с. 30: «Аже поидуть та[та]рове на львовьскую землю тогда руси на львовцѣ не помагати аже поидуть та[та]рове на лахы тогда руси невола поити ис татары»].

²² [65, №83, р. 107: «...notificamus vobis ad gaudium speciale, quod VII Principes Thartarorum in multitudine hominum copiosa venerunt nobis in subsidium contra Litwanos crudeles christiani sangwinis effusores quibus nuncios nostros speciales cum donis ut decuit iam misimus in occursum»]. Не исключено, впрочем, что упоминание Казимиром Великим о дарах ордынцам за военную помощь – это всего лишь дипломатическая уловка, предпринятая с целью сокрытия настоящей причины денежных выплат Орде, о которых тем не менее стало известно властям Тевтонского ордена и затем при их посредничестве папской курии уже в следующем году [см.: 101, nr.776, р. 581]. Данное предположение, разумеется, не может поставить под сомнение письменную информацию польского короля, которая косвенно подтверждается другими источниками (см. выше по тексту прим. 18).

Руси, но при этом добилась сохранения главных составных частей прежнего status quo, предопределявших её господствующее положение в Восточной Европе, – права на получение регулярной дани с населения этих территорий и обязательного участия его вооруженных формирований в инициированных ею же военных походах, то есть сохранения основных и традиционных для «кочевых империй» форм присущего им экзополитарного способа эксплуатации соседних земледельческих народов, а также политического контроля, хотя, очевидно, не столь жёсткого, как раньше. В свою очередь, литовский и польский суверены, признав данническую зависимость новоприобретённых земель в виде необходимой регулярной выплаты некоей фиксированной денежной суммы и взяв на себя определённые военные обязательства относительно Золотой Орды, получили взамен как минимум мирные отношения с нею и, главное, возможность инкорпорировать эти земли в состав своих государств.

Кондоминальный статус украинские земли имели в то время, когда в Восточной Европе установилось неустойчивое равновесие противоборствующих политических сил. Господствующая в Восточной Европе Золотая Орда всё ещё имела подавляющее превосходство в материальных и людских ресурсах, но уже не могла использовать весь свой огромный военно-политический потенциал против соседних государств, вступивших в борьбу за подвластные ей земли Украины-Руси, из-за всё более усиливавшихся центробежных тенденций в политической жизни, а также в связи с постоянной необходимостью концентрировать войска на кавказском театре войн с хулагуидским Ираном. Противостоявшие Золотой Орде Велико княжество Литовское, Польское королевство и союзная с ним Венгрия при крайнем напряжении сил временами добивались локальных успехов, но не располагали достаточными силами и ресурсами, чтобы полностью и окончательно её сокрушить. Неустойчивость равновесия главных политических сил, противоборствующих в восточно-европейском регионе, обуславливала временный характер компромиссных соглашений между ними, а также кондоминиума как непосредственного результата таких соглашений. По этой причине кондоминальный статус некоторых земель Украины-Руси следует рассматривать как переходящее историческое явление не только в политических отношениях наиболее могущественных государств Восточной Европы в XIV в., но и в контексте процесса вытеснения сюзеренитета золотоордынских ханов верховной властью правителей Литвы и Польши, развернувшегося в полную силу с пресечением галицко-волинской династии Романовичей в начале 1323 г.²³

В настоящее время имеется возможность уточнить предложенные М. Грушевским хронологические рамки кондоминиума в украинских землях, несколько их сместив в более отдалённое время и значительно сузив. Увеличить ретроспективу кондоминиума позволяет постулат, согласно которому необходимой предпосылкой учреждения кондоминального статуса является наличие двустороннего компромиссного соглашения между представителями суверенных и паритетных во взаимоотношениях правящих династий государств, оспаривающих друг у друга право на владение определенной территорией. Как уже отмечалось, М. Грушевский считал, что впервые кондоминиум утвердился в Галицко-Волинской Руси с вокняжением в ней в 1340 г. представителя правящей в Литве династии Гедиминовичей Любарта-Дмитрия, которому пришлось урегулировать известным способом свои отношения с Ордой, но при этом упустил из виду, что подобную же процедуру должен был пройти на пути к власти также предшественник Любарта на галицко-волинском троне, мазовецкий княжич Болеслав-Юрий II, внук галицко-волинского князя Юрия I Львовича и креатура польского короля Владислава Локетека, в политическом аспекте фигура не менее, если не более, компромиссная, чем Любарт. Как известно, Болеслав-Юрий II вокняжился в Галичине и на Волыни в конце 1324 г. во многом благодаря военной поддержке польского короля и компромиссу между Владиславом Локетekom и «королем литвинов и многих русских» Гедимином, политическими конкурентами в борьбе за Галицко-Волинскую Русь. Как и Любарт, но на полтора десятилетия раньше, Болеслав-Юрий был вынужден испрашивать у золотоордынского хана Узбека санкцию на владение галицко-волинским тронem и согласиться на регулярную выплату дани Орде со своего княжества²⁴.

Следующий 1325 г. – первый полный год правления Болеслава-Юрия в Галицко-Волинском княжестве, когда, по всей вероятности, были реализованы все политические и экономические условия польско-ордынского компромисса. Этот же год был также первым полным годом наместничества в Киеве служебника Гедимины, вероятнее всего, его младшего брата Федора, что также стало возможным не только в результате успешного похода войск Великого княжества Литовского в Киевское Поднепровье весной 1324 г., но и благодаря достигнутому вскоре политическому компромиссу между Вильно и Сараем. Учитывая эти обстоятельства, именно 1325 г. следует признать годом первоначального учреждения кондоми-

²³ О политических последствиях этого события для земель Украины-Руси см.: [55, с. 23–25].

²⁴ Об этом сообщает хроника Иоанна Витодурани [см.: 73, р. 165], в точности сведений которой сомневался М. Грушевский, отстаивавший свой тезис о меньшей зависимости Галицко-Волинского княжества от Орды в сравнении с иными частями Руси [9, с. 528]. Другие исследователи, однако, не разделили его сомнения. Примечательным в этой связи является тот факт, что в 1340 г. представители галицко-волинского боярства просили в Орде войска для похода на Польшу под тем предлогом, что король Казимир III, захватив после смерти Болеслава-Юрия II княжество, задержал выплату ордынской дани [72, р. 620–621].

ниума в таких крупнейших землях Украины-Руси, как Волынская, Галицкая и Киевская. Полагаем, что в самом конце 1340-х или же, вероятнее всего, в 1350 г., в связи с заключением направленного против Польского королевства литовско-ордынского союза, кондаминальный статус был распространён также на владения князей Кориатовичей в Подольской земле.

Окончательное упразднение кондоминиума в украинских землях следует датировать 1362 г. и считать это событие одним из результатов осуществлённой летом–осенью того же года успешной антиордынской кампании Великого княжества Литовского на юге Днепровского левобережья и правобережья и скоординированного с ней антиджучидского выступления темника Мамая в Приазовье и Поволжье. Скупая и фрагментарная информация ряда разнохарактерных, разновременных и независимых друг от друга нумизматических, документальных и нарративных источников позволяет утверждать, что, вероятнее всего, именно тогда, в конце 1362 г., Мамай, временно захватив при поддержке части ордынской знати Сарай ал-Джедид и узурпировав верховную власть в Золотой Орде, оформил результаты антиджучидских военно-политических акций Великого княжества Литовского того года специальным документом – жалованным ярлыком, выданным, вероятнее всего, от имени хана-марионетки Абдуллы (Абдуллаха) великому князю литовскому Ольгерду.

Этим документом был санкционирован переход под власть великого князя литовского Ольгерда целого ряда территориальных комплексов и стольных городов, в первую очередь, Украины-Руси (земли: Киевская, Владимирская и Луцкая на Волыни, Подольская, северские и черниговские города). Судя по ходу политической борьбы между Литвой и Москвой в 50–70-х годах XIV в. и способу изготовления (копирование основного содержания) последующих подобных ярлыков золотоордынских (не сохранившихся) и крымских (в большинстве своём они дошли до нас в виде позднейших копий ярлыков-докончаний первой половины XVI в.), в Мамаевом ярлыке должны были значиться также отдельные города и земли Северо-Восточной Руси (например, находившиеся на литовско-московском порубежье Смоленск, Брянск, «верховские» княжества на Оке, рязанский Переяславль), на которые с середины XIV в. претендовало Великое княжество Литовское и которые полностью или частично уже находились в зависимости от него, а также города и часть государственной территории Золотой Орды (Тула, Ябгу-город, Караул, Балаклы, Дашев, Качибеев и др.). В целом, в 1362 г. по ярлыку Мамай к Великому княжеству Литовскому отошёл довольно широкий пояс земель всей лесостепной и частично степной зон Днестровско-Донского междуречья, ограниченный с юга на Правобережье течением Днепра, начиная от Киева и вплоть до его устья, а на Левобережье – руслами Ворсклы и Тихой Сосны [подробнее см.: 57; 59, с. 301–317; 96, с. 153–172, а также: 56, с. 145–146]. Следует полагать, что названные в Мамаевом документе территориальные комплексы и города передавались новому владельцу на неограниченное, точнее, не обусловленное никакими рамками время, подобно тому как это зафиксировали ярлыки крымских ханов XV–XVI вв., и, что особенно важно, вместе «со всеми выходы и з данми, из землями и водами»²⁵, т.е. в полную собственность. Таким образом, существовавший ранее в некоторых украинских землях кондаминальный статус, обуславливавший их политическую и экономическую зависимость от Золотой Орды, упразднялся Мамаевым ярлыком полностью и, как показал ход дальнейших событий, навсегда.

Сформулированный вывод противоречит устоявшемуся в научной литературе мнению о том, что удельные династы Ольгердовичи и Гедиминовичи, правившие на исходе XIV в. в стольных градах крупнейших украинских земель, граничивших с ордынской территорией, – сыновья Михаила-Кориата Гедиминовича в подольских Смотриче и Каменце, Владимир Ольгердович в Киеве, Дмитрий-Корибут в Новгород-Северском – были в той или иной мере зависимы от ханской власти и продолжали уплачивать дань Золотой Орде регулярно или спорадически вплоть до конца XIV в., точнее, до выдачи в 1398 г. ханом Тохтамышем жалованного ярлыка на земли Руси в.кн. литовскому Витовту. Это мнение базируется на двух фактах: во-первых, на упоминании в нескольких жалованных грамотах князей Кориатовичей об общеземском сборе ордынской дани, от которой частновладельческие крестьяне в пожалованных и подтверждаемых ими имениях не освобождались, а, как оговаривалось в грамотах, в случае, если такая необходимость возникнет, обязывались её платить²⁶; во-вторых, на наличии на монетах киевского князя Владимира

²⁵ В старейших сохранившихся ярлыках (1461, 1472, 1507 гг.) само пожалование как и позднейшие его подтверждения имели межличностный и вместе с тем межгосударственный характер: крымские ханы жаловали от своего имени комплексы земель и городов как великим князьям литовским Кейстутовичам (Витовту, Жигимонту I) и польским королям Ягеллонам (Казимиру и Жигимонту Старому), так и правящей в Литве династии в целом («к Литовской земли столцу дали есмо») или же просто Великому княжеству Литовскому. Срок владения в них не был обозначен, но уже в ярлыке-докончании Менгли Гирея от 28.07.1514, по-видимому, впервые применена следующая формулировка: «...Жигимонту, королю и великому князю, и его сыном и наследником держати во впокои...» (ЦГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 564–571); которая впоследствии в разных модификациях стала для таких документов обычной.

²⁶ Подтвердительная грамота от 17.03.1375 Александра Кориатовича Смотрицкому доминиканскому монастырю на «млин и мѣсто оу млина»: «Што жь коли вси земляне имуть давати дань оу татары, то серебро имеютъ тако же тии люди дати» [39, №10, с. 19–20]; Жалованная грамота Константина и Фёдора Кориатовичей своему слуге Немире от

Ольгердовича (1362–1394) элемента символики джучидских дирхемов, а именно, так называемой плетёнки, орнаментального узора, в котором первые исследователи видели татарскую тамгу, символ верховной власти хана [см., например: 1, с. 151–157; 2, с. 8–9; 66, с. 68]. Если первый факт воспринимался историками обычно как свидетельство продолжения практики сбора ордынской дани в Подольской земле, то второй – как символ политической и, следовательно, экономической зависимости Среднего Поднепровья от Орды. До недавних пор это мнение разделял и я [54, с. 105; ср., например: 41, с. 61–62; 51, с. 146–148].

Справедливости ради следует признать, что относительно плетёнки на киевских монетах ещё с 30-х годов XX в. существовало и иное мнение исследователей, утверждавшее, что она является не собственно тамгой, а орнаментальным рисунком, который встречается на золотоордынских дирхемах наряду с настоящей тамгой [30, с. 101–105; 43, с. 86; 25, с. 52]. Однако из-за слабой изученности ордынско-литовских политических отношений второй половины XIV в. это мнение не приобрело решающего значения.

В свете новых научных фактов и выводов традиционное мнение о хронологическом рубеже прекращения ордынского «выхода» с украинских земель предстает уже не столь незыбким как раньше, а аргументы, на которых оно покоилось столь длительное время, производят впечатление явно недостаточных, переоценённых или же превратно истолкованных.

Если обратиться к грамотам подольских князей, то прежде всего следует отметить, что в них речь идет исключительно о вероятности сбора ордынской дани в Подольской земле, а не о практике ее регулярной уплаты. К тому же эта вероятность упоминается далеко не во всех известных грамотах Кориатовичей. О ней, в частности, умалчивает привилей Юрия Кориатовича от 7 ноября 1374 г., выданный мешчанам Каменца на магдебургское право, хотя в этом документе имеется специальное указание на то, что мешчане, «высидев двадцать лет воли», обязаны были «давать плат», судя по длительному сроку льготы, вероятнее всего, в казну князя, а не Орды [текст привилей см.: 31, с. 206–209]. А в недавно опубликованом А. Грушей тексте оригинала подтвердительной грамоты Фёдора Кориатовича, выданной им 20 июня 1391 г. верному слуге Гриньку на Соколец и некоторые сёла, соответствующее предложение было отредактировано таким образом, что вместо и сверху подчищенных слов «у Татары» вписано «на мь», причём во всех трех случаях [8, с. 123–135]²⁷. Похоже на то, что к тому времени правители Подольской земли уже не верили в возможность возвращения к прежнему режиму её даннической зависимости от Золотой Орды.

Что касается вопроса о том, что же именно изображено на монетах XIV в. – тамга или плетёнка, – то в контексте рассмотренных выше свидетельств документальных источников о характере современных им литовско-ордынских политических отношений мнение Н.П. Лихачёва и его последователей в пользу второй версии в настоящее время представляется наиболее убедительным и предпочтительным.

Современная нумизматика накопила немало вещественных доказательств, свидетельствующих о излишней категоричности, если не ошибочности вывода первых исследователей монет Владимира Ольгердовича. В последнее время эти монеты обстоятельно изучал киевский археолог и нумизмат Георгий Козубовский, главные выводы которого приводятся ниже²⁸. Итак, по его мнению, в настоящее время известны 7 типов монет Владимира Ольгердовича, а именно: 1-й тип – с двусторонним подражанием гюлистанским дирхемам Джанибека 752–753 г.х. (1352 и 1352/1353 гг.). Отчеканена, возможно, в 1360-х годах, когда подобные монеты появились в Суздальско-Нижегородском и Рязанском княжествах [76, с. 128; 77, с. 97]²⁹. 2-й тип – с односторонним подражанием реверсу монет Мухаммед Буляка 773 г.х. (1371/1372 г.), княжеским знаком в виде схематического изображения храма и с двустрочной полукруглой легендой: «печать» (?) на основной стороне. Чеканку монет этого типа Г.А. Козубовский относит к первому периоду пребывания и деятельности митрополита Киприана в Киеве (1376–1380) [76, с. 129–130]. Начиная со второго типа, изображение храма присутствует на монетах Владимира Ольгердовича всех последующих типов, кроме последнего. 3-й тип – с плетёнкой и круговой надписью «Владимир» на основной стороне, а на левой – с таким же княжеским знаком. Датировка этих монет затруднительна, их место в хронологическом ряду определяется по их весу. 4-й тип – с княжеским знаком в виде схематического изображения храма на одной стороне, с символом «is» и

19.09.1388: «А такожъ штожъ коли vsi zemljane imut davati dan' u Tatory to srebro imjut daty Nemyrnyu lude» [текст грамоты см.: 97, с. 170, Aneks I]. Жалованная грамота Фёдора Кориатовича слуге Бедрышке от 1.06.1392: «Тylko kiedy wszyscy ziemianie beda dawać dań w Tatory, tedy srebro maja dawać» [31, с. 225–226, прим. 2]. Грамоту Свидригайла Ольгердовича доминиканскому монастырю в Каменце от 30.05.1401 [64, №6, с. 11], где также упомянуто ордынское «серебро», в данном случае нет оснований рассматривать вместе с актами князей Кориатовичей, поскольку она более связана с политической ситуацией, сложившейся в регионе в результате разгрома войск Витовта в сражении на Ворскле в 1399 г., чем с победоносной для Великого княжества Литовского Синеводской битвой 1362 г.

²⁷ Исправленный текст имеет такой вид: «Иже то, што жъ коли имуть vsi zemljane danь davati na мь или посла поднимати, то пана Гринькови люде также имѣють дань дати на мь и посла поднимати, пакли быхомъ коли тоѣ дани на мь не дали, а собѣ ю имали, тогда пань Гринько также имѣет собѣ взяти ту дань на своихъ людехъ».

²⁸ Приношу свою искреннюю благодарность Г.А. Козубовскому за ряд библиографических указаний и научных консультаций.

²⁹ Недавно было высказано иное мнение о дате и месте чеканки киевских монет-подражаний [см.: 53, с. 87–88].

круговой легендой с именем князя – на другой, датируется 80–90-ми годами XIV в. Высказывалось мнение, что эта монета отчеканена в 1387 г. [69, с. 35–36]. 5-й тип – с княжеским знаком и крестиком с круговой легендой имени князя, чекана не раньше второй половины 80-х годов XIV в.; 6-й и 7-й типы – брактеатры разных сторон 5-го типа. Они чеканились, очевидно, в конце княжения Владимира Ольгердовича в Киеве.

Всего в 16 зафиксированных пунктах найдено около 1200 монет Владимира Ольгердовича [24, с. 33; 76, с. 126–134; 22, с. 14–17]. В том числе имеется монет 1-го типа девятнадцать экземпляров, 2-го – всего один, 3-го – более двух десятков, 4-го – более 200, что весьма мало по сравнению с последующими эмиссиями [24, с. 34]. Киевские монеты примерно в два раза меньше и в 3–7 раз легче, чем джучидские дирхемы, имеют определённое соотношение как с их весом, так и с весом гривен.

Не трудно заметить, что ордынская символика характерна лишь для первых трёх наиболее архаичных типов киевских монет XIV в., датируемых Г. Козубовским вместе с частью монет 4-го типа очень острожно периодом до середины – конца 80-х годов XIV в. [24, с. 34]. Тем не менее уже этот факт делает главный аргумент поборников тезиса о зависимости Киевского княжества от Орды до конца XIV в. явно недостаточным, поскольку, если следовать их способу доказательства, то последующие 10–15 лет этой зависимости остаются не аргументированными. Малочисленность обнаруженных киевских монет первых трёх типов (с ордынскими подражаниями) свидетельствует в пользу мнения о их разовой чеканке, о причинах которой сейчас можно судить лишь предположительно. Среди названной продукции, отчеканенной в Киеве, монета 2-го типа занимает особое место – она открывает собою ряд монет, имеющих в своём оформлении местную (христианскую) символику. Принимая во внимание эту особенность, её следует считать переходной от типа двустороннего подражания джучидским дирхемам к типу с двусторонне киевской символикой. С учётом данного обстоятельства напрашивается вывод о том, что в монетном деле Киевского княжества период двусторонних подражаний ордынским дирхемам закончился по крайне мере уже в начале 70-х годов XIV в. Следовательно, после этого рубежа говорить о зависимости Киевского княжества от Орды на основании его монет не приходится.

Двусторонние и односторонние подражания ордынским дирхемам, характерные для наиболее ранних киевских монет, – явление не единичного порядка: оно характерно для наиболее древних монет княжеств Литовской и Московской Руси второй половины XIV – начала XV в. В частности, в северо-восточных русских княжествах монеты с двусторонними подражаниями появляются еще в 60-х годах XIV в., массовый характер их выпуск принимает спустя всего лишь десятилетие и заканчивается к 1380 г.³⁰ Близки к ним по своей мотивации также довольно широко распространённые односторонние подражания джучидским дирхемам, зеркальное перевёртывание арабских легенд, так называемая решётка (плетёнка) и другие нечитаемые элементы ордынской символики. По авторитетному мнению Г.А. Фёдорова-Давыдова, главное для таких подражаний – это то, «что они имели общее сходство с джучидскими монетами, неважно какими», причём, без какого-либо хронологического соответствия [47, с. 53]. Причину их производства нумизматы видят в острой нехватке серебряных монет на Руси в период феодальных войн и междоусобиц в Золотой Орде 60–70-х годов XIV в.

Монеты 3-го типа атрибутируются определённому киевскому князю Владимиру Ольгердовичу (1362–1394) и начало их чеканки датируется приблизительно 80-ми годами XIV в. Именно на монетах этого типа плетёнка из рядового элемента поля основной стороны монет 1-го и 2-го типов превращается наряду с круговой легендой в один из главных элементов оформления монетного поля. Трансформированной плетёнкой монеты Владимира Ольгердовича отличаются как от современных им монет правителя Польши и Литвы Владислава I Ягайла [70, р. 15–18], так и правителей княжеств Северо-Восточной Руси. О причине заимствования и преобразования этого элемента символики ордынских монет можно судить также лишь предположительно. Возможно, она была связана с намерением местных чеканщиков придать этому типу киевских монет некоторое сходство или преемственность с джучидскими дирхемами³¹. Все заимствования

³⁰ Это относится прежде всего к монетам, чеканенным «в дотоктамышевскую эпоху» в Нижнем Новгороде и Суздале [48, с. 15, 153, 247], возможно, в Мордовии [45, с. 181], в Рязани. Последние датируются второй половиной 80-х годов XIV в. [62, с. 121]. В последнее время найдено также 13 монет чеканки новгород-северского князя Дмитрия-Корибуа (1380–1393), часть которых имеет подражание реверсу дирхема Мухаммед Буляка 772–773 гг. х. (1370/1371 и 1371/1372 гг.) [см.: 23]. По мнению Г.А. Фёдорова-Давыдова, ордынская символика на монетах княжеств Северо-Восточной Руси являлась формой выражения их вассалитета по отношению к Золотой Орде. Вместе с тем исследователь признавал, что монеты с двусторонними подражаниями «чеканились в экономических целях» и что «среди экономических мотивов этой чеканки не последнюю роль играла эксплуатация монетной регалии». См.: [48, с. 251; 50, с. 448]: «Мы считаем, что такие выпуски монет как чеканка первоначальных русской фабрикации двусторонне-ордынских монет были важны князю как экономическая акция, преследовавшая увеличение доходов казны за счёт монетной регалии».

³¹ Особого, компромиссного, мнения относительно плетёнки придерживаются З. Волкайте-Куликаускаене и А. Лухтан, видя в ней «тамгообразный знак» или «татарскую тамгу» и считая, что первоначально «тамга являлась символом зависимости от Золотой Орды, а в дальнейшем, с ослаблением власти ордынских ханов, тамга-плетёнка ещё сохраня-

из ордынской символики на киевских монетах – от двусторонних легенд до отдельных элементов оформления поля монеты, как и выдержанное в определенных пропорциях соотношение их весовых категорий с джучидскими дирхемами – в настоящее время трактуются большинством исследователей как следствие скорее экономических мотивов, чем политических, и напрямую связываются с необходимостью считаться на первых порах с устоявшимися традициями обращения золотоордынских дирхемов в восточноевропейском регионе, где последние господствовали довольно долго [24, с. 34–35; ср.: 77, с. 97]³². Примечательно, что на монетах Владимира Ольгердовича последующих четырёх типов изображение плетёнки отсутствует. Тем не менее уместно напомнить, что именно её наличие на монетах 3-го типа послужило основанием для ошибочного, как сейчас представляется, вывода о зависимости Киевского княжества от Орды во времена правления Владимира Ольгердовича.

Таким образом, как документальный, так и нумизматический материал, положенный в основу стереотипного вывода о зависимости Киевского и Подольского княжества от Золотой Орды вплоть до конца XIV в., на котором отчасти базировалось мнение о такой же зависимости и других украинских территорий (Волыни, Чернигово-Северщины), в их современной научной интерпретации не только не подтверждают истинность этого вывода, но, наоборот, показывают его научную несостоятельность.

Оформленные Мамаевым ярлыком конкретные результаты антиордынской кампании Великого княжества Литовского 1362 г., в том числе и отмена кондоминиума, имели далеко идущие политические последствия, которые предстают сегодня как знаменательные. Из них, однако, в рамках этой статьи целесообразно рассмотреть лишь те, которые имели непосредственное отношение к дальнейшим судьбам Украины-Руси и Золотой Орды и были связаны в первую очередь с отменой кондоминиума.

Для большинства земель Украины (Киевской, Волынской и, вероятно, Подольской) упразднение кондоминального статуса означало окончательную ликвидацию их политической и даннической зависимости от Золотой Орды и одновременно инкорпорацию в состав Великого княжества Литовского, южные границы которого в 1362 г. достигли на Левобережье русла Ворсклы, а на Правобережье – черноморского побережья возле устьев Днепра, Южного Буга и Днестра. Подобные же изменения, следует полагать, произошли также в Чернигово-Северщине и большей части верховских княжеств на Оке, ранее не знавших кондоминиума, но также оказавшихся под сюзеренитетом великого князя литовского по Мамаевому ярлыку. По всей вероятности, тогда же *de facto* была прекращена выплата ордынской дани с Галицкой земли, подвластной польскому королю с 1349 г., и владений князей Кориатовичей в западной части Подолья (Малое Подолье), которые, согласно новейшему мнению польского исследователя Я. Куртыки, могли признать сюзеренитет Казимира III, вероятнее всего, в период с 1355 по 1363 годы [80, s. 18]. Насколько мне известно, вопрос о времени и обстоятельствах прекращения выплаты ордынской дани с подвластных Польскому королевству Галичины и части Подолья в научной литературе специально не изучался. Польские историки на основании уже рассмотренных в статье грамот Кориатовичей и Свидригайла традиционно признавали факт уплаты ордынской дани с Подолья до начала XV в. [80, s. 18, not. 19]. Полагаем, однако, что выплаты в Орду дани с Галичины и польской части Подолья Кориатовичей были прекращены, вероятнее всего, в начале 60-х годов XIV в., поскольку Мамай, как правитель отколовшейся от Сарая и обосновавшейся в степях Крыма и Северного Причерноморья Орды, до окончательного разгрома и гибели в 1367 г. Кильдибека, своего главного политического соперника в западных улусах, по всей вероятности, не имел достаточно сил и политической возможности, чтобы реально претендовать на дань с владений Польского королевства на Украине-Руси. Похоже, что попытки добиться её выплаты Мамай предпринял лишь после захвата Сарая ал-Джедид в начале и в конце 70-х годов XIV в., и что именно с ними были связаны известные по чрезвычайно скудным и отрывочным сведениям источников антиордынские акции подольских князей Юрия Кориатовича (в низовье Днестра в 1374 г.) и Александра Кориатовича приблизительно в 1380 г. (как принято считать в историографии, Александр Кориатович был убит во время этой акции). Попытка хана Токтамыша добиться в 1393 г. дипломатическим путём реставрации порядков кондоминиума в землях Украины-Руси, в том числе и подвластных Польскому королевству, как известно, оказалась также безуспешной.

Таким образом, в 1362 г. с выдачей Мамаевого ярлыка была подведена черта под приблизительно столетним периодом пребывания Украины-Руси в евразийском «Рах Mongolica» и одновременно были созданы политические предпосылки для её возвращения в культурный круг стоявшей на пороге Ренессанса и буржуазных преобразований западноевропейской цивилизации. Они были реализованы уже в последней четверти XIV в., когда в Великом княжестве Литовском начался длительный период структурных административно-политических, социальных и экономических реформ, модернизировавших к середине XVI в.

лась некоторое время, но уже лишь как декоративный элемент» [4, с. 268]. Выводы Н.П. Лихачёва, Н.А. Соболевой и Н.Ф. Котляра о плетёнке, по-видимому, были авторам неизвестны.

³² Очевидно, следует согласиться с Г.А. Козубовским и в том, что, хотя источниковедческая база северских монет очень мала, принципы их оформления определялись теми же экономическими мотивами, что и монеты Киевского княжества [77, с. 36].

его внутреннее устройство в соответствии с европейскими образцами. В этом контексте антиордынские события 1362 г., в том числе и окончательную отмену кондоминального статуса возможно следует рассматривать как «поворот Украины-Руси к Западу», наподобие того как в современной историографии оценивается послекрестовский период в истории Литвы.

Для Ордынской державы 1362 г. стал поистине роковым. Он обозначил собою начало общегосударственного политического кризиса, охватившего весь Улус Джучи, и имевшего своим результатом двадцатилетний период междоусобиц в Золотой Орде и её раскол по Волге на две враждующие между собой части – «Волжское царство» Джучидов и «Мамаеву Орду»³³. Политический кризис дополнил собою экологический и экономический кризисы, проявившиеся несколько ранее [26, с. 90–92, 104]³⁴. С точки поливариантно-вероятностного видения истории Золотая Орда, как и созданная ею на просторах Дешт-и-Кипчака своеобразная и яркая степная квазицивилизация³⁵, миновала в своём развитии ряд полос нестабильности с их социально-экологических кризисами локального характера и внутренними политическими конфликтами, к началу 60-х годов XIV в. вошла в стадию глубочайшего системного кризиса³⁶ и достигла критической точки (точки бифуркации)³⁷, когда должна была решиться её дальнейшая судьба как государственно-образования, основанного на «характерном симбиозе оседлости и кочевой стихии», который «был в значительной мере механическим соединением степного мира и городского, державшимся главным образом на единстве центральной власти ханов, исходившей из степного компонента» [49, с. 101–102]. Наиболее показательными симптомами начавшейся уже в период «великой зямтани» упадка Ордынской державы стали хроническая внутривидовая нестабильность – результат борьбы различных группировок ордынской знати за власть и средства существования в перенаселённом Дешт-и-Кипчаке, неспособность центрального государственного аппарата в таких условиях эффективно осуществлять генеральный принцип реципрокности, без чего невозможно не только поддержание элементарного порядка, но и исполнение этим аппаратом контрольно-организационных и редиистрибутивных функций, массовая миграция населения в сопредельные страны и «большой отток интеллектуального потенциала из этого государства» [26, с. 100, 105, 109, 124]. После 1362 г. дальнейшее существование Золотой Орды в прежних социокультурных формах стало невозможным – начался процесс её неизбежной деградации и распада.

Среди причин, ускоривших, обостривших и сделавших необратимым начавшийся процесс регресса и дезинтеграции Золотой Орды, не последнюю роль сыграли довольно значительное сокращение её государственной территории в 1362 г. и одновременное прекращение регулярного «выхода» с земель Украины-Руси, а также других частей южной Руси, отошедших по ярлыку Мамаю к Великому княжеству Литовскому. Насколько существенным было для Ордынского государства прекращение притока даннического серебра из Литовской Руси можно судить по последующим попыткам хана Токтамыша навязать правящим кругам Великого княжества Литовского, а затем и Польского королевства, возврат к отношениям кондоминиума, а позже по нежеланию значительной части ордынской знати признать правомочным жалованный

³³ О перерастании династического кризиса в Золотой Орде в общегосударственный политический см.: [13, с. 45–49; 14, с. 190–196].

³⁴ Э.С. Кульпин чётко не датирует начало экологического кризиса в Дешт-и-Кипчаке, но пишет в этой связи о второй половине XIV в., отмечая вместе с тем проявления локальных социально-экологических кризисов в более раннее время. В конце концов он делает вывод, что «нет явных противопоставлений со стороны естественных наук относительно того, что экологический кризис в Золотой Орде мог начаться уже в первой половине XIV в.». В этой связи следует заметить, что указанные Э.С. Кульпиным признаки (последствия?) социально-экологических кризисов в Золотой Орде (продвижение кочевий на север, отступление на север границы лесов под воздействием антропогенного фактора, миграция жителей южных степей в сопредельные страны, зимовки скота в лесостепи, внутривидовая борьба) в полной мере проявились уже в конце XIII – начале XIV в.

³⁵ Определение Монгольской империи, составной частью которой по меньшей мере до 60-х годов XIII в. был Улус Джучи, а, следовательно, и Золотая Орда, главенствующая западная часть последнего, как неустойчивой общевразийской квазицивилизационной системы (квазицивилизации) раннегосударственного типа принадлежит Ю.В. Павленко [см.: 36, с. 316, 319–321, 424; 35, с. 160].

³⁶ Характеризуя проявления системного кризиса в золотоордынском обществе после 1362 г., Э.С. Кульпин отмечает, что тогда «все беды сошлись разом: торговля остановилась, развитие городов замерло, государство не контролирует ситуацию – идёт непрерывная борьба группировок за власть, на дорогах бандитизм, в степи – сушь, скот гибнет, от десятилетия к десятилетию его поголовье падает..., жизненный уровень массы населения резко снизился» [26, с. 114]. Исследователь приходит к выводу, что «многогранность, комплексность кризиса, состоящего из политической, экономической, хозяйственной и экологической составляющих, как ничто другое не только ослабило государство перед лицом врага, но создало условия для внутренних центробежных процессов – распада империи» [26, с. 100].

³⁷ По слова Ю.В. Павленко, в точке бифуркации, «за різкого зростання нестійкості системи, флуктуації різко наростають, що загрожує руйнуванням усієї старої структури. Цей момент по суті є станом кризи системи, коли відбувається вибір нею у «полі можливостей» шляхів подальшого розвитку – у діапазоні від виходу на вищий рівень складності та впорядкованості до деградації та загибелі. Причому в точці бифуркації навіть дуже незначна за своїми масштабами флуктуація за умов її накладання на інші явища може викликати величезну хвилю змін» [35, с. 184].

ярлык, который он выдал наподобие ярлыка Мамаевого Витовту в 1398 г., её эффективному сопротивлению неоднократным попыткам экс-хана вернуть себе престол и власть в Орде³⁸. Более того, прекращение уплаты «выхода» с Литовской Руси вскоре повлекло за собой приостановку и затем уменьшение размеров дани, поступавшей в распоряжение хана из земель и княжеств Северо-Восточной (Московской) Руси [37, с. 74–112; 3, с. 236; Горский А.А. Указ. соч.³⁹, с. 86, 97, 109–110]. Оба эти обстоятельства усугубили и без того бедственное состояние ханской казны, которая с конца 50-х годов XIV в. находилась в критическом состоянии из-за резко сократившихся основных источников её наполнения – государственного налога с населения Золотой Орды, и государственных пошлин с торговых операций и с провозимых купцами транзитных товаров, что было связано в первую очередь с воцарившимся в стране хаосом, а также спадом активности трансевразийской международной торговли на магистралах Великого Шёлкового пути после начавшейся в Китае в 1352 г. национальной революции. В результате, очень скоро экономические основы ханской власти в Золотой Орде оказались настолько подорваны, что ни одна из противоборствующих группировок знати, даже захватив власть, на протяжении двадцати лет не могла возобладать над другими и тем самым положить конец разрушительной «великой замятне» в Ордынском государстве.

Не менее важным представляется и тот факт, что в 1362 г. к Великому княжеству Литовскому отошел значительный массив территории, по большей части, в лесостепной зоне Украины, особенно в Днепровско-Донском междуречье, которую ордынские кочевники использовали как необходимый стратегический резерв во времена предыдущих локальных экологических кризисов в Дешт-и-Кыпчаке. Именно здесь под воздействием технологии экстенсивного кочевого скотоводства лес далее всего отступил перед натиском степи, а «северная граница татарских летних кочевий проходила по линии: верховья Северского Донца, Тихой Сосны, Низовья Медведицы» и достигала даже верховьев Оки [26, с. 92; 15, с. 52–53; 33, с. 124]. Кроме того, порубежная с Великой степью лесостепная зона Украины в силу своих специфических природных и климатических условий издавна являлась не только местом интенсивных и разнообразных контактов между оседлыми носителями аграрно-городской цивилизации и номадами, но и ареалом, в пределах которого совершался процесс естественного перехода кочевых скотоводов Дешт-и-Кыпчака к земледелию и оседлому способу жизни, прерванный в 1362 г. Таким образом, безвозвратная и невозполнимая для Золотой Орды потеря жизненно важных территорий в Днестровско-Донском междуречье несомненно содействовала тому, что ее выход из системного кризиса предопределен был самым трагическим образом и осуществлялся после 1362 г. по пути неотвратимого, быстрого и всеобщего регресса, принявшего вскоре характер катастрофы и приведшего к середине 20-х годов XV в. это государство к распаду на несколько самостоятельных и враждующих между собою восточноевропейских ханств. Вместе с Золотой Ордой одновременно приходила в упадок и окончательно пала созданная ею система собственного господства в Восточной Европе, попыткой сохранить которую, приспособив её к изменившейся политической обстановке, и был кондоминиум в украинских землях первой половины XIV в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонович В.Б. О новонайденных серебряных монетах с именем Владимира // Труды III-го Археологического съезда в Киеве в 1874 г. Т. 2. К., 1878. С. 151–157.
2. Болсуновский К. Монеты киевских князей XIV ст. Опыт историко-нумизматического исследования. К., 1909.
3. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь, 1997.
4. Волкайте-Куликаускаене Р., Лухтан А. Редкие монеты из Восточной Литвы // Советская археология. 1981. №4.
5. Грамоти XIV ст. / Упоряд. М.М. Пещак. Київ, 1974.
6. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М.-Л., 1950.
7. Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975.

³⁸ Некоторое представление о доле дани с территорий, уступленных Литве в 1362 г., в общей сумме ежегодного ордынского «выхода» с Руси позволяют составить расчёты Г.В. Вернадского. По его подсчётам, в присоединённых к Литве землях (без учёта отошедших в 1349 г. к Польше Львовской, Галицкой и Санокской земель) насчитывалось 16 тем (туменов) – территориальных единиц, с которых «взималось определённое количество рекрутов и налогов», – а в Великом княжестве Владимирском до 1380 г. – 15, а после 1384 г. – 17 туменов [ср.: 33, с. 98–99]. При этом Вернадский не брал в расчёт владения Великого Новгорода, а в пределах Тверского, Нижегородского и Рязанского княжеств насчитывал 12 туменов [см.: 3, с. 223, 224–225, 237–238]. Опираясь на данные Г.В. Вернадского, приходим к выводу, что до 1380 г. количество туменов в землях, отошедших к Литве по ярлыку Мамаево, составляло 59% от общего числа туменов, находившихся в остальной подвластной Золотой Орде Руси (исключая Великий Новгород и Галицкую Русь). Если исходить из того, что с каждого тумена взималась одинаковая сумма дани, как это делал Г.В. Вернадский, то следует признать, что в 1362 г. ханская казна лишилась не менее половины общей суммы ежегодного «выхода» с Руси.

³⁹ В оригинале статьи нет точных сведений, предположительно: Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. – Прим. ред.

8. Груша А. Невядома грамата Фёдора Карыятавіча за 1391 г. // Беларускі гістарычны агляд. Т. 8, сшыткі 1–2(14–15), 2001.
9. Грушевський М. Історія України-Руси. Т. IV. Київ–Львів, 1907 (переизд.: К., 1993).
10. Дашкевич Я. Україна на межі між Сходом і Заходом (XIV–XVII ст.) // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Т. ССХХІІ, Львів, 1991. С. 28–44.
11. Дашкевич Я. История мировой цивилизации. К., 2002.
12. Довнар-Запольский М. Литовские упоминки татарским ордам. Скарбовая книга Метрики Литовской 1502–1509 гг. Симферополь, 1898.
13. Егоров В.Л. Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде // Вопросы истории. 1974. № 8. С. 45–49.
14. Егоров Л.В. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. Сб. статей. М., 1980. С. 190–196.
15. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
16. Ейзо М. Избрание и поставление Василия Калики на новгородское владычество в 1330–1331 гг. // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л. Янина. М., 1999. С. 207–217.
17. Ждан М. Україна під пануванням Золотої Орди // Український історик. 1970. №1–3. С. 82–94. №4. С. 61–66. 1971. №1–2. С. 45–57. №3–4. С. 44–48.
18. Западнорусские летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 17. СПб., 1907.
19. Зимин А.А. Народные движения 20-х годов XIV в. и ликвидация системы баскачества в северо-восточной Руси // Известия АН СССР. Серия истории и философии. Т. 5. М., 1952. С. 61–65.
20. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1962.
21. Книга посольская Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Сигизмунда Августа (с 1545 по 1572) / Изд. кн. М. Оболенским и проф. И. Даниловичем. М., 1843.
22. Козубовский Г.А. Находки монет XIV–XV ст. на территории Киева. К., 1991.
23. Козубовський Г.А. Сіверські монети XIV ст. К., 1992.
24. Козубовский Г. Центры монетной чеканки на Украине в XIV ст. (Киев, Новгород-Северский, Орда) // Mennice między Bałtykiem a Morzem Czarnym – wspólnota dziejów. Supraśl. 10–12.09.1998. Materiały z III międzynarodowej konferencji Numizmatycznej. Warszawa, 1998.
25. Котляр Н.Ф. Монеты Владимира Ольгердовича // Нумизматика и сфрагистика. Вып. 4. 1971.
26. Кульпин Э.С. Золотая Орда (Проблемы генезиса Российского государства). М., 1998.
27. Кульпин Э.С. Борьба за природные ресурсы в XI–XV вв. // Природа и самоорганизация общества. М., 2002.
28. Летописи белорусско-литовские // Полное собрание русских летописей. Т. 35. М., 1980
29. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 15. СПб., 1863.
30. Лихачёв Н.П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики // Труды музея палеографии АН СССР. Вып. 2. 1930.
31. Молчановский Н. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года (преимущественно по летописям). К., 1885.
32. Московский летописный свод конца XV в. // Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.-Л., 1949.
33. Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.-Л., 1940.
34. Новгородская первая летопись /под ред. А.Н. Насонова. М.-Л., 1950.
35. Павленко Ю. Історія світової цивілізації. К., 1996.
36. Павленко Ю.В. История мировой цивилизации. К., 2002.
37. Павлов П.Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Учёные записки Красноярского педагогического института. Т. 13. Серия историко-филологическая, 1958. Вып. 2. С. 74–112.
38. Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М., 1959.
39. Розов В. Украинские грамоты. Т. 1. К., 1928.
40. Русина О. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Киев, 1998.
41. Русина О.В. Україна під татарами і Литвою. К., 1998.
42. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
43. Соболева Н.А. К вопросу о монетах Владимира Ольгердовича (по нумизматическим материалам ГИМ) // Нумизматика и эпиграфия. Т. 8. 1970.
44. Сушицкий Т. Західно-руські літописи як пам’ятки літератури. Частина II / Упоряд. і до друку виготовив О.А. Назаревський. К., 1929.
45. Фёдоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика, IV, 1963.
46. Фёдоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
47. Фёдоров-Давыдов Г.А. Монеты Московской Руси (Москва в борьбе за независимое централизованное государство). М., 1981.
48. Фёдоров-Давыдов Г.А. Монеты Нижегородского княжества. М., 1989.

49. Фёдоров-Давыдов Г.А. Оседлое и кочевое население в западных улусах чингизидов в XIII–XIV вв. // Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шёлковом пути (Тезисы докладов международного семинара Юнеско. Алма-Ата, 15–16 июня 1991 г.). Алма-Ата, 1991.
50. Федоров-Давыдов Г.А. О некоторых спорных вопросах русской нумизматики // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999.
51. Флоря Б.Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва. Сб. ст. М., 1980. С. 142–173.
52. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. М., 2001.
53. Хромов К.К. К вопросу о начале монетной чеканки на территории Киевского княжества в XIV в. (о «киевских» подражаниях монетам Джанибека) // Двенадцатая всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 19–24 апреля 2004 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2004.
54. Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. К., 1987.
55. Шабульдо Ф. Русь в інтеграційних процесах XIII–XV ст. // Другий міжнародний конгрес українців. Історія. Частина 1. К., 1995.
56. Шабульдо Ф.М. Возвращаясь к синеводской проблеме: о некоторых результатах и последствиях антиордынской кампании Великого княжества Литовского в 1362 г. // Славяне и их соседи. Сборник тезисов 17 конференции памяти В.Д. Королюка. М., 1998.
57. Шабульдо Ф.М. Синьоводська проблема: можливий спосіб її розв'язання. К., 1998.
58. Шабульдо Ф. Наративні джерела й перші дослідники про похід Ольгерда на Сині Води і Білобережжя // Україна в Центрально-Східній Європі. Студії з історії XI–XVIII століть. К., 2000.
59. Шабульдо Ф.М. Чи був ярлик Мамає на українські землі? (до постановки проблеми) // Записки наукового товариства імені Шевченка. Т. ССXLIII. Праці Історично-філософської секції. Львів, 2002. С. 301–317.
60. Шабульдо Ф. Кондомініум в українських землях XIV ст. // Записки наукового товариства ім. Т. Шевченка. Львів, 2006. Т. 251. С. 7–22.
61. Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1983. С. 120–132.
62. Янин В.Л., Янина С.А. Начальный период рязанской монетной чеканки // Нумизматический сборник. М., 1955. Ч. 1.
63. Batura R. Lietuva kovoje prieš Aukso Orda. Nuo Batu antplūdžio iki mūšio prie Mėlynųjų Vandenų. Vilnius, 1975.
64. Chmiel A. Zbior dokumentów znajdujących się w bibliotece hr. Przewozkich w Warszawie. Kraków, 1890.
65. Codex diplomaticus Prussicus / herausgegeben von I. Voight. Bd. III. Königsberg, 1848.
66. Gumowski M. Numizmatyka wieków srednich. Kraków, 1920.
67. Halperin Ch.J. Russia and the Golden Horde: the Mongol Impact on the Medieval Russian History. Bloomington, 1985.
68. Halperin Ch.J. The Tatar Yoke. Columbus (Ohio), 1986.
69. Ivenauskas E., Bolčius M. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės lidyniai ir monetos nuo 1387 iki 1495 metų. Vilnius, 1994.
70. Ivanauskas E., Douchis R.J. Coins of Lithuania. 1386–1707. Vilnius–Columbia, 1999.
71. Jabłonowski A. Historia Rusi południowej do upadku Rzeczypospolitej Polskiej. Kraków, 1912.
72. Joannis de Czarnkow. Chronicon Polonorum // Monumenta Poloniae Historica. T. 2. Lvov, 1872.
73. Johannis Vitodurani Chronicon / herausg. von Vyss // Archiv für schweizerische Geschichte. T. XI. Zürich, 1856.
74. Knoll P.W. The Rise of Polish Monarchy. Chicago, 1972.
75. Koneczny F. Geneza urosczczeń Iwana III do Rusi litewskiej // Ateneum Wileńskie, Wilno, 1925–1926. R. 3.
76. Kozubowski G. Monety księstwa kijowskiego w XIV w. // Wiadomości Numizmatyczne, R. XXXVIII, 1994, z. 3–4 (149–150).
77. Kozubowski G. Синьоводська битва 1362 р. і зміни у грошовому обігу Південної Русі-України // Центральна Україна за доби класичного середньовіччя: студії з історії XIV ст. К., 2003.
78. Krakowski S. Korjatowicze i sprawa podolska w XIV w. w oświetleniu najnowszej historiografji polskiej // Ateneum Wileńskie. R. XIII. Wilno, 1938. S. 250–274.
79. Kuczyński S.M. Sine Wody. (Rzecz o wyprawie Olgierdowej 1362 r.) // Studia z dziejów Europy Wschodniej X–XVII w. Warszawa, 1965. S. 135–179 (pierwsza wersja [w:] Księga ku czci O. Haleckiego. Warszawa, 1935. S. 81–141).
80. Kurtyka J. Podole pomiędzy Polską i Litwą w XIV i 1. połwie XV wieku // Kamieniec Podolski. Studia z dziejów miasta i regionu / red. F. Kiryk. Kraków, 2000.
81. Lietuvos Metrika. Knyga Nr.15 (1528–1538). Užrašymų knyga 15. Vilnius, 2002.
82. Paszkiewicz H. Jagiellonowie a Moskwa. T. 1: Litwa i Moskwa w XIII i XIV wieku. Warszawa, 1933.
83. Paszkiewicz H. O genezie i wartości Krewa. Warszawa, 1938.
84. Paszkiewicz H. Pierwsze wystąpienia Korjatowiczów na widownie dziejowej // O genezie i wartości Krewa. Warszawa, 1938. S. 264–299.

85. Pelenski Ja. The contest between Lithuania and the Golden Horde in the fourteenth century for supremacy over Eastern Europe // Eiusdem. The contest for the legacy of Kievan Rus'. New York, 1998.
86. Prochaska A. Podole lennem Korony. Kraków, 1895.
87. Prochaska A.Z. Witoldowych dziejów. Układ Witolda z Tochtamyszem 1397 r. // Przegląd Historyczny. T. XV. 1912.
88. Puzyna J. Korjat i Korjatowicze // Ateneum Wileńskie. R. VII. Wilno, 1930. S. 425–454.
89. Puzyna J. Korjat i Korjatowicze oraz sprawa podolska // Ateneum Wileńskie. R. XI. Wilno, 1936. S. 57–97.
90. Rachunki dworu króla Władysława Jagiełły i królowej Jadwigi z lat 1388 do 1430 / wydał Fr. Piekosiński // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. XV. Kraków, 1896.
91. Rowell S.C. Lithuania Ascending: A Pagan Empire within East-Central Europe, 1295–1345. Cambridge, 1994.
92. Rowell S.C. Iš viduramžių ūkų kylanti Lietuva. Pagonių imperija Rytų ir Vidurio Europoje, 1295–1345. Vilnius: Baltos lankos, 2001.
93. Spuler B. Die Golden Horde: Die Mongolen in Russland. 1223–1502. Leipzig, 1943 (reprint: Wiesbaden, 1965).
94. Stadnicki K. Koryjat Gedyminowicz i Koryjatowicze // Rozprawy i Sprawozdania z Posiedzeń Wydziału Historyczno-Filozoficznego Akademii Umiejętności. T. VII. Kraków, 1877. S. 1–146.
95. Stosunki Polski z Tatarszyzną od połowy XV wieku. Tom 1: Stosunki z Mendli-Girejem chanem Tatarów Perekopskich (1469–1515). Akta i listy / Wydał i szkicem historycznym poprzedził Kazimierz Pułaski. Kraków–Warszawa, 1881
96. Szabuldo F. Czy istniał jarłyk Mamaja na ziemię ukraińskie? (Próba postawienia problemu) // Lituano-Slavica Posnaniensia. Studia Historica. IX. Poznań, 2003. S. 153–172.
97. Tęgowski J. Sprawa przyłączenia Podola do Korony Polskiej w końcu XIV wieku // Teki Krakowskie. V. 1997.
98. Trajdos T.M. Kościół Katolicki na ziemiach ruskich Korony i Litwy za panowania Władysława Jagiełły (1386–1434). T. 1. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź, 1983.
99. Tyszkiewicz J. Tatarzy na Litwie i w Polsce. Warszawa, 1989.
100. Vernadski G. The Mongols and Russia. New Haven, 1953 (reprint: New Haven, 1966).
101. Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae. T. 1 / ed. A. Theiner. Romae, 1860.

**The Condominium Status of Ukrainian Lands in the 14th century:
From the First Polish and Lithuanian Conquests
of the Golden Horde Territories to the Yarlik of Mamai**

F.M. Shabuldo

The author of this article tried to present those observations and conclusions about the condominium and some questions that were asked relatively recently in connection with the study of the granted yarliks of the Crimean khans on the Ukrainian lands of the 15th–16th centuries. This issue is known in historiography for a long time, but has never been specifically studied. Some characteristic features of the condominium are still unclear. Its chronological framework, place and role in the system of relations between the communities of nomadic pastoralists and sedentary agricultural population at the interstate level, particularly in Eastern Europe in the late Middle Ages, were not established with sufficient accuracy.

Keywords: condominium status, Ukrainian lands, Poland, Lithuania, Golden Horde, yarlik, Mamai

For citation: Shabuldo F.M. The Condominium Status of Ukrainian Lands in the 14th century: From the First Polish and Lithuanian Conquests of the Golden Horde Territories to the Yarlik of Mamai. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. 2017, no. 10, pp. 267–282.